Они стояли, словно застывшие в преддверии кошмара, на грани сна, где реальность растворялась в мраке, а утро казалось недостижимым, - две башни, отражающие тяжесть предстоящего пути. Гарри, разгневанный ветром, который бил ему в грудь, словно хотел вернуть его к оставленным товарищам, отчаянно махал крыльями. Ветер был его противником, и он приветствовал его как способе сбросить напряжение, отдать физический выход своей разочарованности. Но как солнце клонилось к закату, утихала и буря в его душе. Тень, растягиваясь с каждым мигом, напоминала о теплом костре, который Гэндальф уже разожг, о вкусном хлебе, который, вероятно, уже ели его спутники. Он представлял себе, как Леголас, мастер находить укрытие в открытой степи, устроил их лагерь в небольшой впадине, защищенной от ветра. Конечно, им было интересно, где он. Он улетел, не сказав ни слова, откуда им знать, что он слышал их разговор? И сами слова, с сожалением подумал Гарри, не были совсем безосновательны. Он не давал им повода ему доверять. Спас Гэндальфа, а потом стал молчаливым, держался на расстоянии, летая днем высоко над группой, а ночью отлетая в сторону. Конечно, у него были на то веские причины! Год он не общался ни с кем, кроме говорящих деревьев, а незадолго до этого на него охотились. Он имел полное право держаться на расстоянии. Но... возможно, и они имели право относиться к нему с некоторой подозрительностью. Вздохнув, наполовину с облегчением, наполовину с сожалением, Гарри медленно расправил крылья и повернулся полукругом. Ветер, словно расступившись перед ним, мягко подтолкнул его вперед. Когда темнота опустилась на землю, Гарри с легким сердцем полетел обратно к компании. Тень мелькала по лагерю, легкий ветерок играл с костром. Поленья трещали и попискивали, пожираясь пламенем, но в остальном лагерь был необычно тихим. Каждый погрузился в свои мысли, ощущая отсутствие одного из них. Затмение, обычно садившаяся на ветку ближайшего дерева, когда наступали сумерки, и молча наблюдавшая за лагерем, в последнее время заводила легкий разговор, обычно о интересных местах, которые она видела в течение дня. Гимли и Леголас могли бы принять участие в беседе, если бы Гэндальф был готов перевести песню птицы на человеческую речь. Песня Затмения не походила ни на что из того, что он слышал раньше: в то время как другие птицы щебетали сладкими гармониями, в нотах феникса чувствовалась затяжная, пронзительная нотка, наполнявшая Леголаса слабым чувством утраты. Возможно, этого и следовало ожидать: птица, казалось, обладала тем же диапазоном эмоций, что и любой эльф, человек или гном; вполне логично, что и выражения его лица были более разнообразны, чем у его пернатых собратьев. Леголас хотел бы лучше понять эту призрачную мелодию. Но он не мог этого сделать, поскольку птица отказывалась говорить с кем-либо из них на полном серьезе. По крайней мере, Гэндальф мог понять Затмение; отсутствие общения расстраивало и его, и Гимли еще больше. Однако им не следовало высказывать свое недовольство - особенно там, где Затмение могло их услышать. Конечно, откуда им было знать, что он летит над головой? Но он их слышал. И теперь казалось маловероятным, что он вернется. Леголас продолжал смотреть в огонь еще долго после того, как Гимли и Гэндальф уснули. Гарри нашел лагерь уже после наступления ночи. Луна над головой достигла зенита, заливая мир бледным светом. Он бесшумно скользнул к угасающему костру. Угли догорели и почти погасли. Света было достаточно, чтобы разглядеть две фигуры, из которых та, что пониже, издавала громкий, повторяющийся храп. Была еще одна фигура, но она не спала. Леголас сидел, скрестив ноги, и смотрел на угасающее пламя. Гарри вдруг почувствовал себя неловко. Он произнес с эльфом всего два предложения, и ни одного прямого. Он также не прилагал никаких усилий, чтобы узнать его; напротив, он избегал его, отчасти из-за своей неудачной первой встречи с другими эльфами в этом мире. Он подумал, не слишком ли поздно прервать свой полет к костру, но эльф, видимо, обладал исключительными чувствами, потому что его голова повернулась, и он увидел Гарри. — Затмение! — тихо воскликнул эльф. — Ты вернулся. Наступила долгая пауза, пока Гарри внутренне боролся с собой. Должен ли он говорить с Леголасом мысленно, как с энтами? Он принял решение вернуться, и это означало, что он не может оставить все как прежде. Его первоначальное решение говорить только с Гэндальфом было продиктовано

страхом, но сейчас, когда он смотрел на явно обеспокоенное лицо эльфа, оно казалось детским. Эльфы, которых он встречал, вообще не проявляли эмоций… но, возможно, это было потому, что они не были уверены в нем и держались настороже. Он вообще мало что знал об эльфах - Леголас понемногу менял свое первоначальное плохое впечатление. Но, возможно, Леголас не был представителем своего рода. Судя по перепалкам, которыми обычно обменивались Леголас и Гимли, гномы и эльфы обычно не дружили. Гарри задумался об этой маловероятной паре друзей, вспоминая свой собственный опыт общения с Роном и Гермионой. Иногда между людьми с самыми внешними различиями возникают самые крепкие негласные узы. Как бы он хотел подружиться с Леголасом, подумал Гарри с внезапной болью. Гарри сформировал эту мысль в своем сознании, уже собираясь высказать Леголасу свое предложение, как вдруг эльф заговорил. — Я хочу извиниться за то, что сделал раньше, — тихо сказал он. — Я считаю себя хорошо образованным, особенно по сравнению с большинством моих сородичей. Но я никогда не общался с такими, как вы, и, по правде говоря, мне стыдно, что я оказался более узколобым, чем гордился. Я, который называет гнома одним из своих ближайших товарищей. Он вздохнул, мягко и печально. — Я хотел бы стать твоим другом, Эклипс. Если ты простишь этого эльфа за его невежественные слова? Гарри утвердительно кивнул головой, жалея, что не может улыбнуться клювом. Его ранние страхи улетучились, и ему почти не нужно было думать, чтобы составить слова в уме и проецировать их на Леголаса. — Извинения приняты. Я тоже вел себя не лучшим образом. Леголас начал было говорить, но слова сами пришли ему в голову. Он был уверен, что это не его слова; звук был явно мужским, но не его собственным. — Кто это сказал? Это был ты, Затмение? — недоверчиво спросил эльф, уставившись на феникса. — Только Гэндальф знает язык птиц и зверей.— Это потому, что я не совсем "говорю", — ответил феникс, голос его звучал с оттенком усталого веселья. — Я говорю со своим разумом; языковых барьеров не существует, потому что я проецирую на тебя свои чувства и идеи, а не конкретные слова.— О, — эльф замялся, затем осторожно произнес: — Но если у тебя есть такая способность, почему ты не поговорил с нами раньше?Гарри почувствовал, как его сердце сжалось от обиженного тона эльфа. Он уже подумывал о том, чтобы рассказать им обо всем, но в начале путешествия ему хотелось как можно меньше общаться с ними. А когда желание говорить все-таки появилось, казалось, что подходящий момент упущен, и теперь, глядя на эльфа, Гарри с горечью осознал, что совершил ошибку.

http://tl.rulate.ru/book/102871/3569407